

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №7 2021 ГАЗЕТА

Светлана Замлелова / Посадские сказки

В первых числах марта стартовал шестнадцатый сезон литературной премии «Большая книга». В апреле будет обнародован длинный список претендентов. Затем эксперты определят финалистов. Имена лауреатов станут известны в конце года.

Эту премию называют одной из самых престижных в России. По деньгам так оно и есть. Три миллиона за первое место, полтора за второе, миллион за третье. «Большая книга» — детище государственно-частного партнёрства, объединившего чиновников, миллиардеров-олигархов, издателей-монополистов, литераторов, строго придерживающихся либеральных взглядов на культуру и художественное творчество. Возглавляемое директором Государственного литературного музея Дмитрием Баком жюри объявило, что издательства, журналы, телекомпании, газеты, писательские союзы и прочие организации выдвинули на соискание премии в этом году триста с лишним произведений. Евгений Водолазкин, Роман Сенчин, Леонид Юзефович, Андрей Рубанов штурмуют «Большую книгу» едва ли не каждый год. Гузель Яхи-

на, Дмитрий Быков, Владимир Сорокин, Шамиль Идиатуллин — получали её неоднократно.

С одной стороны, многомесячный марафон «Большой книги» — коммерческий проект, свидетельствующий об отсутствии в стране естественного литературного процесса, разрыве культурного пространства. Издательство-монополист (в последние годы это АСТ, а точнее его «штампующее» лауреатов подразделение — «Редакция Елены Шубиной») твёрдой рукой «ведёт» автора к премии. Оно тратит деньги на рекламу, заказывает восторженные критические статьи, имея в виду предстоящую реализацию тиражей. Затраты однако окупаются редко. Книги победителей после наградного шума отсылаются в библиотеки по особой бюджетной (на поддержку культуры) статье. Сам автор «Большой книги», «Национального бестселлера», «Ясной Поляны» («Букер», увы, приказал долго жить) тоже не занимает устойчивого места в литературе, не становится моральным и творческим ориентиром для общества, иногда вполне обходясь псевдонимом типа «Фигль-мигль».

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

**Редакционная
коллегия:**
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

**Ответственный
редактор**
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2021
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2021 №7 /1876/ Основана в 1927 г.

Светлана Замлелова

Посадские сказки

Посадские сказки

Кругом обители Пресвятыя и Живоначальныя Троицы не то чтобы раскинулся, а как-то уж скорее расплзся одноименный монастырю городишко. Сущее недоразумение! Славная обитель куда как более походила на город: из храмов с раннего утра доносится молитвенное пение, из пекарен — дух свежего хлеба, а найдётся ли такой человек, кто оставался бы равнодушным к запаху свежего хлеба?.. Паломники, пёстрой, разноязыкой толпой притекающие каждое утро к монастырским воротам, числом если не превосходят, то уж, во всяком случае, не уступают городскому населению.

Точно круги по воде, разошлись слободы мастерового и торгового люда от стен Троицкой обители. По оврагам и косограм, шибелистыми улицами и похожими на извивающихся змей переулками разлезся городишко, окружив обитель одноэтажными деревянными домишками, сараями, до недавнего времени крившимися соломой, и лавками, торговавшими резными игрушками, иконами и харчевым товаром.

Справедливости ради надо сказать, что пришлый люд стекался не только к монастырю, но трижды в году — на ярмарку, устраиваемую обыкновенно после Пасхи, к Троицыну дню и на Успение.

Должно быть, заезжие людишки и были всегда причиной городской безалаберности и бестолковости, а равно и тех небывалых событий, что происходили время от времени в городе, поражая воображение как самих горожан, так и чужаков, вдруг подчиняя всё единому помыслу, единому чаянию, одной-единственной заботе.

Как обитель славилась чудесами, так маленький, неказистый городишко, похожий на тшедушного мужичонку — что не прочь и выпить, и выместить горечь своих неудач на домашних, — славился издавна, точно в противоположность святому месту, странными происшествиями. Происходившее на его стогах было большей частью так необычно, что, обрастая слухами, становилось вскоре известно за пределами города и, будучи неоднократно повторённым, теряло в конце концов связь свою с местом и даже, напротив, приписывалось другим краям. Трудно настаивать, что произошедшее в одном каком-нибудь городе не могло в то же самое время произойти в другом и что если писатель берётся описывать некое чудо, то уж непременно заимствует его, приуравливая к нужному времени и месту. А происшествия, о которых пойдёт речь, действительно не раз встречались на страницах газет и журналов, преподносимые то как достоверные события, то как писательская фантазия. Да вот хотя

бы... Впрочем, читатель и сам всё поймёт. Но так или иначе, городишко, жители которого узнавали себя в повестях и хрониках, никогда отчего-то не упоминался как место происшествия. Всё то необыкновенное, что случалось в городе, передавалось изустно. И горожанам по сей день, например, памятна

Сказка о трёх сундуках

Дом Хохтевых — купцов — лучшим был не то что в Служней слободе, а и во всём посаде. Нигде вы не встретили бы такой просторной усадьбы с цветниками, разбитыми перед домом и в пору цветения принуждающими прохожих останавливаться в восторге перед благолепием и благоуханием. А сад назади дома с прудом и карасями в нём?.. Разве только монастырский сад мог бы посоперничать с садом Хохтевых обилием плодов по осени. Яблок, бывало, собирали столько, что уж решительно не знали, что с ними и делать. Одного варенья варили несколько видов. Яблоки и мочили, и солили, и свозили на Успенскую ярмарку, и даже выставляли на улицу в огромной под ржавыми обручами бочке, чтобы всякий, кто не имел собственного сада, мог бы отведать и унести с собой. Прослышав о том, приходили из Кокуевой слободы старухи, пробавлявшиеся кое-как лепкой из глины мелких игрушек, а то и просто нищенством. Хватали яблоки и мальчишки, пронесившиеся мимо по каким-то своим невозможным делам.

— Христом Богом... По яблочку... — бормотала такая старуха, склонившись над бочкой, выбирая узловатыми пальцами сморщенной трясущейся руки пахучие жёсткие яблоки и препровождая их в какое-нибудь хлипкое, наполовину расплетшееся лукошко.

Нашёлся же и такой человек, кого бочка под ржавыми обручами заинтересовала гораздо больше её содержимого. И наутро невозможно было проехать по Дворянской улице — запряжённые телегами лошади останавливались среди красных, зелёных и жёлтых яблок, недоумённо косились и, подёргивая верхней губой, принимались хрустеть. Остановилась случаем одна телега, за ней — другая, перед ней — третья... И вскоре возницам под уздцы пришлось разводить оторопелых своих кляч.

А именно в то время, когда созревают в садах яблоки, городские улицы напоминали обыкновенно корыто, наполненное жидкой грязью, что в засушливую пору имела вид серой пыли, взвивавшейся столбом за каждым колесом или, точно свора собак, устремлявшейся за галопирующим всадником.

Деревянный дом Хохтевых украшался с фасада четырьмя колоннами и широким крыльцом, на каждой ступени которого можно было бы разместить на

ночлег по одной нищей старухе. Не то, что дом, а и оба флигеля с сараем Хохтевской усадьбы были крыты железом. Да что там сараи, когда говорили, будто только наймов за помещения лавок и двух трактиров, принадлежавших монастырю, платил Досифей Тимофеевич Хохтев до десяти тысяч рублей в год! В то время, как, например, Модест Шокотов, сторож Вознесенской церкви, что напротив одного из хохтевских трактиров, в год получал жалованья семьдесят рублей, содержа при том больную ногами супругу и старую, но весьма ещё бодрую тещу, никогда не отличавшуюся благонаравием.

И, глядя на купца Хохтева, не один только Шоколов впадал в соблазн, вздыхая и вопрошая: «Отчего это всё так на свете устроено: одни всё от судьбы получают, а другие...» Тут вопрошающий оглядывался мысленно на своё убогое жилище, нанимаемое им за рубль где-нибудь в Кокуевской слободе, на чахлую жену и вздорную тещу, и невольно вспоминалась ему четырёхстолпная усадьба Хохтевых с цветами да яблоками; лавки, набитые тканями; два трактира и жена, красивее которой не помнили старожилы посада. Звали купчиху Христиной, и при одном только взгляде на неё останавливались прохожие и долго смотрели ей вслед со смешанным чувством восторга, тоски и зависти.

Что толку описывать чёрные глаза, толстую косу, обвивающую изящную головку, тонкое переносье и кожу, которую хотелось потрогать! Не из черт, пусть даже милых, складывалась красота Христины. Какой-то внутренний свет озарял весь её облик: играл в глазах, в улыбку складывал губы, пробежал по щекам, оставляя розовый след, и, запутавшись в волосах, сиянием одаривал короной уложенные косы. Не только в Служних слободах знали о красоте Христины. Отправлялась ли она в церковь, или в монастырь поклониться мощам святых угодников, или на Вознесенскую площадь поторговаться насчёт галантерейного и парфюмерного товара, извозчики не кричали ей, по своему обыкновению: «Эй, тётенька! Со мной недорого и спокойно!» Но приветливо кланялись со словами: «Христина Дмитриевна! Не желаете ли проехаться — чего зря ножки сбивать!» На что Христина лишь улыбалась и, сопровождаемая какой-нибудь наперсницей из живших в доме девушек или кухаркой Меланьей, шла дальше. И не было человека, не соблазненного о красоте Христины. Так даже, что и встречные монахи нет-нет да и скашивали глаза в её сторону, после чего крестились, мотали головами, точно силясь отогнать наваждение, и бормотали чуть слышно: «Огради мя, Господи...»

Большую торговлю вели Хохтевы. На Монастырской площади торговали овсом, зерновым хлебом и лесом. В лавках, точно каменные бабы, громоздились свёртышки льна, шёлка и бумажной материи, а от разноцветья пуговиц, ниток и тесьмы рябило в

глазах. В трактирах гудели самовары, калачи пахли зазывно. Товар Досифей Тимофеевич выбирал лично, с чем и ездил по ярмаркам.

Случилось раз Хохтеву уехать в Персию. За какой надобностью отправился купец к басурманам, теперь уже не установить. Должно быть, ездил за тканями, потому что персидские огурцы на шёлке изрядно пестрели в его лавке. Предание донесло лишь доподлинную весть о том, что, уезжая, обратился Досифей Тимофеевич к ненаглядной своей супруге:

— Ты, Христинушка-мамушка, коли будет у тебя в чём нужда, пошли к Моисееву Фролу — купцу, что торгует в Гостиных рядах. Он должник наш, вот пускай через то долг отдаёт. А ежели кто... — не приведи Господь! — и здесь купец широко перекрестился, обернувшись к образу Спаса Всевидящее Око. — Ежели кто обидит тебя — ступай к ратману Алфею Хвастунову. Он защитит.

А дальше прибавил слова, что обычно говорил, отправляясь из дому и оставляя супругу одну:

— Живи без меня весело, но честь мою береги и ложа моего не скверни.

Сказал и купцу Моисееву:

— Ежели прийдёт к тебе без меня жена моя за долгом, отдай, как бы мне отдал.

С тем и уехал. Осталась одна Христина. А чтобы не лить по мужу слёз, погибельных для красоты, чтобы не подпускать тоску, кусающую за самое сердце, стала собирать у себя Христина подруг — девушек и молодниц. Стала устраивать во флигелях обеды, созывая бедных игрушечниц из Кокуевой слободы.

Ах, эти обеды!.. Долго судачили о них игрушечницы и торговки. А сусальщик Тимофей Елов, случившийся по делам в Москве, слышал у моста на Трубной площади, как какая-то странница рассказывала толпе обступивших её баб и девушек с корзинками цветов:

— ...И стала она звать к себе подруг, которые по купечеству. А подруги-то все, милые девушки, как сговорились! Которая говорит — на ярманку поеду; которая — недосуг, мол, мне. Тогда созвала она верных служанок и велит им: «Ступайте, говорит, мои верные служанки, на все четыре стороны, а как придёте на распутья, зовите ко мне всех, кого повстречаете». Побежали верные служанки на распутья и созвали всех странных людей. Собрались странные люди к той купчихе, вышла она на порог, поклонилась им в пояс и говорит: «Приидите, говорит, странные, приидите, убогие». Сейчас принесли верные служанки воды и ширинку, и стала она сирым да убогим омыwać ноги и ширинкой отирать...

Тут одна из девушек с длинной русой косой громко всхлипнула. А кто-то из баб заметил:

— Скажи-ка!..

— И вот, милые девушки, — продолжала странница, — повела она их на трапезу. Идёт вперёд, а они

все за нею следом. А она, даром что купчиха, платье носит простое, залатанное, под платьем — власяницу. И никаких тебе украшений — только добродетелями украшается! И собой-то красавица: во лбу светел месяц, в затылке часты звёзды. И пришли они, милые девушки, на трапезу. А там — столы ломаются, ножки трещат. Осетры лежат, хвостами бьют, их с хвостов режут, а они головы воротят — глядят...

— Да как же?.. — удивлённо пискнул кто-то из толпы, оживившись при упоминании о чудесных осетрах.

— Да то ведь не простые осетры, милые девушки, — пояснила странница, — тех осетров для троицких монахов возят. Вот и выходит, что все осетры обыкновенные, а троицкие — сокровенные...

Тут, правда, Тимофей Елов сплюнул и, прибавив что-то вроде: «Завралась ты совсем, убогая», отошёл прочь от сказительницы.

Конечно, странницам верить нельзя. Странницы всегда врут. Но, однако, возвращаясь как-то с базара, зашла Христина в Гостиный двор и, поклонившись, спросила у купца Моисеева наличных денег:

— Мне бы, Фрол Савельич, сто рублей с вас получить...

Купец Моисеев глядел орлом, носил аккуратную бородку и закрученные кверху усы. Большие пальцы держал он обыкновенно в жилетных карманах, а говорил с посетителями из посадских обывателей и забредавших изредка в лавку богомольцев, шегольски растягивая слова. Впечатление на низкие сословия производил он самое внушительное. Когда в лавку к нему вошла Христина, с которой прежде купцу не доводилось говорить самолично, он было собрался принять независимый вид и с вежливостью и достоинством, на какие только был способен, поинтересоваться: «Чем могу услужить?» Но пальцы его сами собой вывалились из жилетных карманов, и в ту же секунду показалось ему, будто в лавке сделалось светлее, ситцы вдруг стали ярче, а пуговицы звонче. И вот смотрит он на жену своего благодетеля, а видит лишь, как между красных влажных губ, сложившихся в улыбку, блестят белые зубы, а в голове одна-единственная мыслишка ворочается: «А ведь Христина-то Дмитриевна... одна дома... покудова».

— Что же вы, Фрол Савельич, молчите? — улыбалась Христина. — Мне Досифей Тимофеевич к вам наказывал за деньгами послать.

— Да-с... да-с, — забормотал Фрол Савельич, — самолично, Христина Дмитриевна, самолично к вам заеду и завезу... Вот в третьем часу сегодня и завезу... Не извольте беспокоиться...

Лишь только со скрежетом, стонами и кряхтением отбили в столовой напольные часы три удара, как зазвонил колокольчик у дверей дома Хохтевых. Меланья, кухарка, впустила купца Моисеева. Вышла

встретить гостя Христина, улыбаясь по всегдашнему своему обыкновению.

— Я велю сейчас чаю подать, — сказала она, провоя гостя в столовую, — и закусок.

— Не надо... чаю, — глухо отозвался купец.

В столовой часы стучали со тщанием. С улицы доносилась брань не сумевших разехаться извозчиков.

— Как же вы мою просьбу?... — указала Христина на кресло.

— Христина Дмитриевна, — горячо вдруг зашептал Моисеев, хватая Христину за руку. — Христина Дмитриевна, не только сто рублей, но и... сто пятьдесят!

И вместо того, чтобы опуститься в кресло, купец повалился на колени.

— Христина Дмитриевна... не гоните... люблю... люблю вас... — захлёбывался Фрол Савельевич, целуя и удерживая руку, которую Христина силилась у него вырвать. — Не гоните... будьте моей... Скажете, я с ума... пусть так... Но будьте моей! На день... на час...

Испугавшаяся и растерявшаяся в первую секунду Христина опомнилась и уж хотела кричать, чтобы сбежавшиеся слуги вытолкали за ворота купца Моисеева, но глядя на Фрола Савельича, которого странная сила бросила на пол, скрутив и обезобразив, Христина развеселилась. Ей вдруг захотелось прочесть купца. И будучи нрава лёгкого и беспечного, во всём всегда отыскивая весёлое и всё обращая в смех, она тут же придумала, как лучше это сделать.

— Вы, Фрол Савельич, потише, — понизив голос, сказала она притихшему вдруг купцу Моисееву, на которого голос Христины подействовал отрезвляюще, — не ровён час — сбегутся. А вы вот что... Завтра в полдень... приносите свои... сто пятьдесят рублей.

Едва ушёл Моисеев, Христина, набросив на плечи белую шаль, побежала к отцу Македону, своему духовнику, жившему на той же Дворянской улице. Служил и настоятельствовал отец Македон в Архангельской церкви, что на Красюковке. Родом был батюшка из Малороссии, сохранял хохлацкие привычки и вкусы, отчего к столу у него подавались нередко вареники и всегда стояло нарезанное сальце. Старшего сына своего — Богдана — готовил отец Македон по духовной части, для чего отправил его учиться в Киев, вызвав, само собой, удивление и насмешки посадских людей. И о Богдане Шипуле стали говорить, что он-де за три моря бежит за тем, что дома лежит. А иные, усмехаясь, прибавляли: «Дураки да бешены не все перевешаны».

В ту пору, о которой идёт речь, Богдан Македонович прибыл в отчий дом. Кажется, на вакации. Дома был он ласкаем и потчует беспрестанно, время проводил в неге и всевозможных удовольствиях. Учился попovich — бог его знает — где-то в Киеве, не то в бурсе, не то ещё в каком заведении, но только стал он совершенным хохлом, а изъясняться предпочи-

тал теперь на малороссийском наречии. Бурса ли, Киев, а может, длительное пребывание вдали от отца с матерью развратили попovichа совершенно. И когда торговки или игрушечницы заводили о нём на площади разговор, то непременно заговорщицки переглядывались и хихикали. Росту попovich был богатырского, говорил голосом низким и таким зычным, что, казалось, все мелкие предметы вокруг дрожали и подпрыгивали.

И когда Христина вошла в полутёмную прихожую отца Македона, первое, что услышала она, были громом прозвучавшие откуда-то из недр дома слова:

— ...Чи хочь воды тут напытыся дадуть?..

А в следующее мгновение Богдан Македонович появился в прихожей, держа в руках высокую глиняную кружку и довольно громко прихлёбывая из неё. Завидев Христину, он изобразил на лице своём удовольствие и остановился прямо напротив гостьи.

— Що ж ты, до мене? Ягидко? — спросил он у Христины.

Христина, никак не ожидавшая, что в доме духовника её ждёт такой игривый приём, в недоумении отвечала, с любопытством оглядывая попovichа:

— Я... я к отцу Македону...

— Эта... к батюшке, — прошамкала Митрофановна, бойкая старуха, жившая в доме отца Македона и доводившаяся ему какой-то дальней роднёй. Митрофановна сама отворяла Христине и привела затем Богдана Македоновича. — Нету... нету батюшки, — обратилась она к Христине.

И, тыча скрюченным пальцем в Богдана Македоновича, прибавила зачем-то:

— Вот. Они есть.

— Ну! Стара! — скомандовал попovich и мотнул головой, делая старухе знак, чтобы убиралась.

Митрофановна, ковьяля, убежала.

— Когда же вернётся отец Македон? — робея отчего-то, спросила Христина.

— Ах ты ж! Яка непонятлива! — притворно заахал Богдан Македонович, утирая губы рукавом старого побуревшего подрясника. — Ну, ходы ж сюды, зиронька! На вушко скажу...

И, пристроив на какую-то не то табуретку, не то тумбу, оказавшуюся под рукой, свою кружку, попovich шагнул к Христине. Христина отступила на шаг.

— Яка ж гарна — умру! Яки ж очи... Якой поволокой взялись... Таки очи бувають тилькы у закоханных... — понизив голос, сказал Богдан Македонович и ещё приступил к Христине.

Христина, слушавшая, точно заворожённая, полупонятные для неё слова, отступила ещё на шаг.

— Закохана, це ж ясно! Але в кого?.. Чи не за мною вмираеш, рыбонько? — зашептал попovich, и Христина ощутила на своём лице его сивушное дыхание. В то же самое время спиной она почувствовала стену.

— Ах ты ж... — хрипло и чуть слышно проговорил попович, наклоняясь к лицу Христины.

«Ах ты ж...» — подумала Христина, отталкивая поповича.

— Завтра, — зашептала она, — буду ждать тебя завтра. В три... Придешь? Нет... в час.

— А не брешешь? — в голос переспросил Богдан Македонович.

— Завтра в час, — уже в дверях повторила Христина.

До ратуши, помещавшейся в здании бывшей богадельни, добралась Христина на извозчике. Какой-то прыщавый чиновник, скрежетавший пером, в одиночестве являл собою всё присутствие. Услышав имя ратмана Хвастунова, он задумался, закусив кончик пера. Потом извлёк из ящика стола клочок серой бумаги, написал на нём несколько слов и, рывкнув внезапно: «Васька!» — передал клочок явившемуся на зов мальчишке и повелел нести записку Алфею Харалампиевичу. Мальчишка убежал, а чиновник, пробормотав, что «сейчас придёт Хвастунов, он тут, недалече», заскрежетал пером с новой силой и прежним усердием. Христина, расположившаяся на плетёном стуле — лучшем предмете мебелировки присутственного места, принялась тем временем осматриваться. Обстановка вокруг была скверной: оконные стёкла не мылись с того самого дня, как оказались в рамах. В углу стоял истрёпанный веник, а рядом, точно необходимый предмет, покоился сметённый в кучку сор. Государев портрет, писанный, верно, каким-нибудь местным художником-самоучкой, украшал одну из стен. Рядом с портретом помещалась литография, изображавшая посещение преподобного Сергия медведем. Внимание Христины притянул кусок хлеба, ради которого и состоялось посещение и который медведь длинным языком старался препроводить с пня в собственную пасть. Преподобный взирал на эту сцену безучастно, словно думая о чём-то ином и ничуть не удивляясь диковинному поведению зверя.

За разглядыванием литографии застал Христину появившийся вдруг Алфей Хвастунов, недовольный вызовом и убеждённый в его пустячности.

Узнав, что просительница Христина и что явилась она с жалобой, Хвастунов прошёл в соседнее помещение, поменьше и почище, и, усадив Христину на чёрный кожаный диван, изрядно, впрочем, потёртый, сам присел напротив за стол и предложил посетительнице изложить своё дело.

И Христина, подумав о том, что Алфей Харалампиевич Хвастунов похож на налима — такой он был скользкий, так сложно было поймать его взгляд и понять, что именно выражает он в эту секунду, так неопределённые и невыразительные были черты его лица, — принялась рассказывать о возникшей нехватке наличных денег и о бесстыдстве купца Мои-

сеева, не упуская подробностей и упирая на вероломство Фрола Савельевича.

Чем дальше рассказывала Христина, тем более заинтересованным казался Хвастунов, тем с большим вниманием прислушивался он к словам рассказчицы. А когда Христина обрисовала падение на колени и предложение ей купцом денег, ратман даже привскочил и прошёлся по комнате. Христина уж было хотела поведать и о том, как собралась она проучить купца Моисеева, но Хвастунов вдруг сказал:

— Это дело тако-ое! В полицию бы надо... Да ведь огласка...

— Досифей Тимофеевич... — начала Христина, но Хвастунов перебил её.

— Досифей Тимофеевич — оно конечно — человек уважаемый... Степенный человек... Благодарный человек... Умеет в положение войти. Должностиска-то у меня — что? Выборная должностиска, жалованья не положено. Писарям вон и тем положено, — и ратман кивнул в ту сторону, где скрипел пером старательный чиновник, встретивший Христину. — А бургомистру и помощникам — ни-ни!.. Досифей Тимофеевич — человек благодарный. Тут примерно такое дело...

— Да ведь я заплачу! — догадалась Христина.

— Оно конечно, хорошо, — отозвался Хвастунов, скользя взглядом от шеи Христины к плечу. — Это дело тако-ое. Только... Кхе-кхе... Что деньги холостому человеку?

— Так чего же вы хотите? — удивилась Христина. — Вот у нас давеча кошка окотилась, не хотите ли разве котятками взять?

Алфей Харалампиевич закашлялся, разглядывая тонкое, стянутое золотой кручёной браслеткой левое запястье Христины.

— Котята — это дело тако-ое, — протянул он. — Ежели там мышей ловить или для дамского какого развлечения — так котята очень даже полезные... Но одинокому человеку котята... вроде бы примерно... не знаешь, к чему их и применить... Деньги — оно, конечно... Да ведь бывает — и сам не поскупишься, даже и двести рублей... А Досифей Тимофеевич — человек благородный... Как не помочь?..

— Оно конечно, — отозвалась Христина. — Это дело такое. Только... Не могли бы вы завтра заехать ко мне к двум часам? И насчёт двухсот рублей... После поговорим. Завтра...

— К двум часам? — насторожился отчего-то Хвастунов.

— Я вас ждать стану, Алфей Харалампиевич. И насчёт двухсот рублей, что давеча говорили...

Заскрипели, застонали часы в столовой Хохтевых и нехотя, точно старик, недовольный, что обеспокоили его, отбили двенадцать ударов. В следующее мгновение зазвенел резво колокольчик, и Меланья,

предупреждённая Христиной, впустила купца Моисеева, заметно взволнованного и поминутно что-то ищущего вокруг себя глазами. Вышедшей навстречу Христине купец облобызал с жадностью руку, и Христина поморщилась: и пальцы, и губы купца были влажными.

Они прошли в столовую, где был накрыт стол, но Фрол Савельевич, шедший следом за Христиной, вдруг наклонился к самому её уху и зашептал горячо:

— Горькими покажутся мне все эти кушанья... все сладости земные перед грядущими наслаждениями... Мог ли и мечтать я прежде?..

Христина вздрогнула, но прежней неприязни уже не испытала. Ей было смешно и немного страшно, вместе с тем она поймала себя на мысли, что ей нравится слушать купца и хочется, чтобы он говорил ещё. Но она испугалась этой грёзы и стала гнать её от себя. Обернувшись к купцу, она снова вздрогнула: он смотрел на неё чёрными от расширившихся зрачков глазами. Взгляд его, остановившийся, немигающий, волновал и пугал Христину. Казалось, этот взгляд околдовывает её, ещё немного — и она, утратив волю, станет послушно делать то, что повелит ей этот колдун. Христина опустила глаза и сказала тихо:

— Вон там за дверью — лестница. Ступайте по ней наверх. Она приведёт вас в мою комнату. Ждите меня там. Слышите?

Купец Моисеев припал влажными губами к руке Христины, а в следующую секунду решительным шагом направился к двери у противоположной стены, где скрывалась та самая лестница, которой суждено было привести купца к сладчайшему, незабываемому мигу. Христина, услышав из-за притворённой Фролом Савельевичем двери торопливые звуки шагов и короткий грохот, подсказавший, что купец Моисеев впопыхах оступился, прыснула со смеху, прикрыв рот ладонями крест-накрест.

Оставшись в столовой одна, Христина налила себе чаю. Без четверти час она поднялась по скрытой лестнице наверх, где было душно и сумеречно из-за опущенных штор. На широкой Христининой кровати сидел в исподнем купец Моисеев и шевелил, точно рак клешнями, пальцами ног. При виде Христины он вскочил и даже как будто захотел броситься навстречу вошедшей, но переменял решение и, забравшись вместо этого на постель с ногами, подтянул к подбородку край одеяла.

— Стал терять надежду, — зашептал он так же горячо, как в столовой. — Сказал себе, что и не могло быть такого, что по гордости, бесом внушённой, возмечтал о невозможном. И, быть может, даже неправильно понял тебя... вас... тебя. Приди же ко мне, царица!

Фрол Савельевич, удерживая левой рукой одеяло, протянул правую к Христине, задержавшейся у большого зеркала в резной тёмного дерева раме и поправ-

лавшей на затылке причёску. Христина повернулась к Моисееву, улыбнулась, и в это самое время снизу донёлся приглушённый звук колокольчика.

Купец Моисеев так и застыл с вытянутой вперёд рукой. Но голос Меланьи, прокричавшей вдруг: «Досифей Тимофеич приехавши!» — вывел купца из оцепенения. Он соскочил на пол и, босой, заметался по комнате, беспорядочно хватая всё, что попадалось под руку — свой ли жилет, шаль Христины, — то прижимая к себе, то роняя, то бросаясь за новым предметом.

— Бросьте вы ваши вещи, — шептала Христина, — да бросьте же! Я сама спрячу... Сюда!.. Да подите же вы сюда!

Схватив Моисеева за руку, она почти силой подтащила его к стене, вдоль которой стояли огромные расписные сундуки. Откинув крышку одного из них, оказавшегося наполовину пустым, Христина повернулась к купцу:

— Полезайте! — зашептала она. — Полезайте, Фрол Савельевич, не мешкайте! Я вас потом выпущу.

Фрол Савельевич, у которого после Меланьиного возгласа словно дар речи пропал, молча, не глядя на Христину, на трясущихся ногах перешагнул через бортик сундука и покорно улёгся на бок, не забыв подложить под щеку сложенные ладони, как будто только затем и явился в дом Хохтевых, чтобы покойно выспаться в сундуке.

Христина осторожно опустила крышку, повернула в замке ключ, потом, подумав немного, спрятала ключ на дно рядом стоящего сундука. Туда же опустила вещи купца Моисеева, оправила измятую купцом постель и спустилась в столовую. Перед ней стоял Богдан Македонович.

— Ось ты де, ягидко! — сказал он, завидев Христину.

— Чаю хотите? — спросила Христина, указывая на стол.

— Коли б горилки... Ото б дило!

— Не держим, — брезгливо повела плечом Христина.

— Ну... хоч бы яку блоху зловыть, — пробормотал попович, озираясь кругом и без церемоний ощупывая скатерть, покрывавшую стол.

— Ступайте туда, — Христина кивнула на дверь, — и наверху меня ждите.

— Дило таке, що не жде, — снова пробормотал попович и покорно направился к двери, скрывавшей лестницу в покои Христины.

Он ушёл, а Христина снова под села к самовару. Но Богдан Македонович проявил гораздо более нетерпения, нежели предшественник. И, спустя недолго, Христина услышала его шаги, а в следующую секунду дверь отворилась, и попович, испуганный и недоумённый, предстал перед ней. Завидев Христину пьющей чай, он, казалось, ещё больше удивился.

— Ягидко! — воскликнул он.

И Христине почудилось, будто чашки подпрыгнули в буфете.

— Ягидко, що ж ти тут робыш?! Казала п'ять хвилин...

— Ишь, нетерпеливый какой кавалер, — усмехнулась Христина, сдувая пар с янтарного озерца чая, заключённого в золочёном блюде, которое она ловко держала снизу на пяти пальцах.

— Скильки ж чекаты? Ты ж обіцяла!

— Ступайте наверх, — как можно строже и даже несколько сердито сказала Христина. — Что вы раскричались? Весь дом сбежится...

Часы между тем ударили половину.

— Ну, добре... — недовольно буркнул попovich и застучал сапогами по ступеням лестницы.

Спустя четверть часа за ним последовала и Христина. Попovich казался Христине смешным, и она не принимала его всерьёз, но вместе с тем он немного пугал её своей непредсказуемостью и силой. Когда она вошла в спальню, попovich, как был в сапогах и подряснике, лежал на кровати поверх одеяла.

— Батюшки! — невольно вырвалось у Христины при виде сапог. — Да что же это!.. Снимете вы свой армяк или нет?

— Ягидко! — проворно соскочил с постели Богдан Македонович. — Яка ж ты сердита! То ж для закоханных не має значення — армяк чи шо...

Попovich принялся раздеваться, Христина отвернулась.

— Побачь же, ягидко! Як Адам — голий!.. — услышала она через несколько секунд.

— Так чего же стоите! — сердито воскликнула Христина, не оборачиваясь, лишь наклонив слегка лицо к левому плечу.

Она услышала, как попovich зашлёпал босыми ногами, как заскрипела под ним кровать и как прохрустело нежно накрахмаленное бельё. Христина обернулась: вещи Богдана Македоновича были разбросаны по полу, и, судя по их количеству, он действительно остался «як Адам». Сам же Богдан Македонович уютно расположился в кровати, натянув лёгкое пуховое одеяло до подбородка.

— Ну! Ягидко! — нежно позвал попovich. — Ходы ж сюды!.. Причарувала мене, зиронька! Ось шастя...

Но в эту самую минуту зазвонил внизу колокольчик, и голос Меланьи проवेशал:

— Досифей Тимофеич приехамши!

Богдан Македонович приподнялся на локте и, наморщив, точно от лимона, лицо, спросил обычным своим голосом:

— Ще вона каже?..

— Муж приехал, — невозмутимо отвечала Христина, отвернувшись от попovichа.

— Ну, ягидко... — угрожающе пробормотал Богдан Македонович, спрыгивая с кровати и впопыхах

натягивая на себя первое, что подвернулось ему под руку. Этим первым оказался белый пеньюар Христины, перекинутый через спинку стоявшей в изножье кровати козетки. Пеньюар с рюшами пришёлся попovichу не по вкусу и не по размеру, он стал было стаскивать его с себя, но Христина уже тянула его за руку.

— Да оставьте же! — шептала она. — После... после переоденетесь! Не пропадёт ваш армяк! Полежайте в сундук! Да скорее же...

Попovich, оставив тщетные попытки закутаться в маленький пеньюар, прикрывался кое-как полой.

— Ну, ягидко! — бормотал он, укладываясь в сундук. — Ну, завдала страху!

— Лежите тихо! — шепнула Христина напоследок и захлопнула сундук.

— Ой!.. Свите красный! — простонал попovich, глядя беспомощно, как опускается над ним тяжёлая ковкая крышка.

Щёлкнул замок, и следом за тем Христина опустила ключ на дно третьего сундука. Туда же отправились и вещи Богдана Македоновича.

Когда, приведя в порядок комнату, где только что метался раненым зверем попovich, а незадолго перед тем купец Моисеев едва не лишился чувств и рассудка, Христина спустилась вниз, ратман Хвастунов ожидал её. Стоял он посреди комнаты, ухватившись обеими руками за спинку стула и оглядываясь кругом себя испуганно и настороженно. Казалось, он пожалел о том, что пришёл в этот дом, и, останься он ещё ненадолго в одиночестве, сожаления его разрешились бы бегством.

Завидев Христину, ратман Хвастунов выразил оживление. Он перестал озираться, разжал побелевшие пальцы, на лице его отобразилось какое-то внутреннее движение. Однако против вчерашнего Хвастунов был сдержан. Говоря же с Христиной, смотрел в сторону, точно стыдился встретиться с ней глазами или боялся чего-то.

— Ежели вы возбуждать дело, — сказал он после приветствия, — то этого лучше не надо. Тут дело такое... Дождитесь примерно Досифея Тимофеевича. А ежели вы в средствах нуждаетесь... то вот примерно двести рублей... Только вы уж мне расписочку, а то ведь оно дело такое...

И Алфей Харалампиевич выложил на стол два радужных банковских билета.

На секунду Христине стало жаль Хвастунова. Но только на секунду — Христина переживала то состояние, когда непременно и во что бы то ни стало нужно довести до конца задуманное, когда отказ от достижения заветной, но совершенно ненужной цели воспринимается как слабость, а невозможность приблизиться к этой цели — как неудача и позор. Азарт овладевает человеком и заставляет его пускаться во все тяжкие: хитрить, настаивать, убеждать. Лишь бы

получить своё, лишь бы подойти как можно ближе к намеченному.

— Чаю не желаете? — спросила Христина.

— Чаю? — испугался чего-то Хвастунов. — Премного вами благодарны, но от чаю примерно откажемся. Тут дело такое...

— Тогда вот что... — перебила его Христина. — Возьмите свои двести рублей и ступайте туда... Вон, видите дверь? Подниметесь по лестнице и будете ждать меня в комнате наверху. Там все дела наши и порешим.

— Отчего же мне непременно нужно идти наверх? — снова насторожился Хвастунов и впервые за всё время обратил испуганный взгляд на Христину.

— Отчего бы вам туда и не пойти? — повела плечом Христина.

— Будто бы уж нельзя и здесь!

— Отчего же непременно здесь! Чем это вам здесь так нравится? Будто бы у вас наверху язык отсохнет!

— Оно, положим, дело такое... Язык-то примерно и не отсохнет. Наверху — оно и понятно — уединённее и теплее. Только ведь к нашему разговору это и нейдёт вовсе...

— А теплее, так и ступайте себе. И почему это, интересно, нейдёт? Очень даже идёт! Теплее всегда лучше, чем холоднее. Да что это вы, Алфей Харалампиевич?! Будто цыган на ярмарке! Шли бы себе молча наверх, а порешим дела, так и пойдёте на все четыре стороны. Там чернила — что мне слуг зря гонять?..

Предчувствуя недоброе, поплёлся Алфей Харалампиевич наверх, бормоча про себя что-то вроде: «Оно конечно, можно и наверху, вы хозяйка, вам виднее... это дело такое...» А Христина в третий раз подседа к самовару.

Когда же Христина поднялась вслед за ратманом Хвастуновым в спальню, было без пяти три. Ратман сидел на самом краешке козетки с таким видом, словно только что пережил воздушные мытарства. При появлении Христины он вскочил.

— Тут оно дело такое... спальня... мне тут и вовсе ни к чему быть. Так что уж возьмите примерно ваши деньги, а я уж пойду. Только вы расписочку... А Досифей Тимофеевич...

Но он не окончил своей мысли, потому что снизу вдруг раздался басовитый голос кухарки:

— Досифей Тимофеевич приехали!

Ратман вцепился в высокую спинку кровати и, замерев, скосил глаза в сторону лестницы, точно ожидая, что вот-вот раздастся звук шагов и хозяин дома предстанет перед ним — огромный и беспощадный.

— Ну вот, — сказала Христина, подходя к третьему сундуку и отбрасывая его крышку. — Не ломались бы вы, Алфей Харалампиевич, не торговались бы — сейчас бы, глядишь, уже дома были. А теперь что?

Как я вас мужу предъявлю?.. Полезайте-ка вы в сундук, от греха подальше! А там уйдёт Досифей Тимофеевич, я вас и выпущу.

— Это вы меня очень даже удивляете, — забормотал Хвастунов, бледнея на глазах у Христины. — Зачем же примерно в сундук?

— Непременно надо в сундук!

— Я вам только что деньги принёс, входя примерно в положение... А вы что же это... Вы к чему это меня? Как прелюбодея какого...

— А вы, Алфей Харалампиевич, и есть самый доподлинный прелюбодей! — усмехнулась Христина. — Кто смотрит на женщину с вожделением, тот уже прелюбодействует с нею в сердце своём. Разве не так? Так что прячьтесь, а не то Досифей Тимофеевич вас в окно выбросит, а вдогонку ещё и выстрелит!

И Христина притопнула на ратмана Хвастунова.

Как на плаху, на негнувшихся ногах проделал Алфей Харалампиевич те три шага, что разделяли козетку и сундук, окованный железом, расписанный, как и все прочие сундуки в комнате, диковинными цветами, не то розами, не то пионами, огромными и жизнерадостными.

— Грех это вам, — плаксиво проговорил ратман, стоя в сундуке и беспомощно прижимая к груди руки, — грех... Я к вам примерно с добром, а тут такое дело...

— Вот сейчас придёт Досифей Тимофеевич и все грехи вам отпустит, — отвечала Христина.

И в следующее мгновение щёлкнул ключ в замке третьего сундука, что приотлил в своём лоне ратмана Алфея Хвастунова.

— Вот так, мои голубчики! — объявила громко Христина, стоя посреди комнаты и пряча третий ключ у себя на груди. — Сидите? Вот и посидите! Здесь вас только трое собралось, а сколько ещё вашего брата по улицам бродит? Вот собрать бы вас всех — да в один сундук!

И, упершись руками в бока, она рассмеялась так звонко и весело, что казалось, будто стая маленьких птичек разлетелась во все стороны.

— Самое ваше место — в сундуках! — продолжала она, обращаясь к трём сундукам. — А ещё лучше — так на цепи и в намордниках!.. И что же это за семя такое ваше, крапивное? Народятся — так будто бы херувимы! А ведь и школы ещё не кончат — как уж развратны и долгов понаделали. Мамка ещё сопли ему вытирает, а уж он на чужую жену зарится и её же и презирает! И ведь чем сам-то тупее да нескладнее, тем больше ему женщина виновата. Умишка Бог не даст, лень допрежь самого родится — вся и отрада, что чужих жён соблазнять. Что бы вы и делали, не будь чужих жён! А на самого-то посмотришь — михрютка, вахлак. Свиная вошь, и больше ничего. А туда же — ломается: подай ты ему красивую да покла-